КРОКОДИЛ

№ 3 (1689) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 30 ЯНВАРЯ 1963

В некоторых областях и республиках без причин приостановлено строительство учреждений культуры. Так, в Коми АССР в течение трех лет находятся на консервации 37 строящихся клубов.

—Вот вам ключ от клуба!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

РАССКАЗ ЧАСТИЧНО ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

Отдельные лица могут заинтересоваться, почему рассказ фантастичен лишь частично, а не целиком. Некоторые еще возьмут да подумают обидное: наверное, не хватило у автора пороху на сплошную фантастизацию.

Причина не только в этом.

Действие ведь происходит в наши реалистические дни. К тому же на заводе, где председателем завкома товарищ Ничегошенькин — человек хотя и с несколько странной, но совершенно реальной фамилией. Поэтому некий переход в неустойчивую область фантазии произойдет только тогда, когда в рассказ вмешаются объективные силы.

Начинается повествование с того, что Яков Аггеевич Ничегошенькин уже в который раз повторяет:

— Нет-нет, товарищи, токарь Мухин — это страдающий человек!

— Не Мухин, а Подмухин, как все называют его в цеху,— бросает реплику один член завкома.— Пьет ваш Подмухин и бессовестно прогуливает.

— По заслуге народ его и перекрестил,— добавляет другой.

— Второго такого пьяницы на всем заводе не сыщешь! — говорит третий.

— Золотые слова! — оживляется Яков Аггеевич.— Вот именно не сыщешь. Токарь Подмухин — фу ты, черт! — токарь Мухин — наследственный алкоголик. Терпит за грехи родителей. А наследственная жажда алкоголя — это болезнь, товарищи, это неотлипчивая болезнь. Она заложена в зародышевой клетке. Ты еще и не родился, а твоя жажда уже вылупилась. Посмотрите в электронный микроскоп, товарищи! Что мы видим? Мы видим, что все гены расписаны, как единицы в штатном расписании. Все сказано условным кодом, каким быть человеку. От судьбы, товарищи, не уйдешь. Это понимать надо.

Один из профсоюзных активистов поднимает руку:

— Прошу слова в порядке ведения!

Сбитый с мысли Ничегошенькин разрешает:

— Давай!

— Между прочим, мой батька сам здорово зашибал,— сообщает активист по затронутому вопросу.— А меня как поймал с ребятами за выпивкой, так тут же выпорол по этому самому месту.— И выступающий во избежание кривотолков показывает рукой на пострадавший в юности фрагмент фигуры.

— Что же ты предлагаешь? — мрачно спрашивает Ничегошенькин.— Рабочий класс пороть?

— Зачем же? — смущается активист.— Я только про себя говорю. Даю справку в порядке ведения, как я, к примеру, перестал брать хмельное в рот. Даже по праздникам употребляю исключительно крюшон.

— Заслуга твоя в этом маленькая,— отрезает предзавкома.— Значит, в твоей наследственности алкоголизм не предусмотрен. А Мухин — другая картина. Человек обреченный. Страдает за родителей. Ежедневно страдает. Может ли профсоюз бросить его на произвол?

После этого вопроса Дора Ивановна, состоящая при Ничегошенькине техническим секретарем второй десяток лет, подает привычную реплику:

— Нет, не может профсоюз бросить на произвол!

— Товарищи актив! Вы слышите голос рядового члена профсоюза? Не может!

Дело, как всегда, заканчивается тем, что Мухина приговаривают к очередной поездке в санаторий. Только на этот раз путевку дают не полностью бесплатную. Малую долю ее стоимости придется оплатить.

Узнав об этом, Мухин, который мыслит поллитровками, мгновенно переводит сумму доплаты в бутылки водки и багровеет от негодования. На всех парах бросается он в завком.

— Значит, если советский токарь споткнулся, толкай его в спину? — спрашивает разъяренный Мухин, едва сдерживая клокочущие чувства.

— Так мы же...

Но Мухин перебивает Ничегошенькина:

— Побыл бы в моей шкуре, узнал бы! Другие люди складаются, как люди, и берут пол-литру на троих. А моя наследственность требует на меня одного пол-литру брать. Мне против других в три раза больше денег надо. А тут еще за путевку шкуру дерут.

— Так мы же...

Но Мухин все еще не дает Якову Аггеевичу и рта раскрыть.

— Я наследственник! — машет руками Мухин.— Другие своим пащенкам дачи в наследство оставляют и разные движимые предметы. А мне папаша с мамашей один алкоголизм оставили. Меня эти всяческие хромосомы замучили. Житья от них нет.

Мухин всхлипывает.

— Мы сочувствуем тебе, товарищ Мухин...— лепечет Ничегошенькин.— Но, верно говорю, на этот раз ничего не могли...

Мухин сбавляет тон.

— Ты, Яков Аггеевич, может, думаешь про меня, как другие? А я водку ненавижу, проклятую! Я иду мимо и отворачиваюсь, а покойный родитель мне шепчет: «Возьми, сынок, половинку». И матушка-покойница тоже шепчет. А я? Разве бессердечный какой?

Мухин снова всхлипывает.

Ничегошенькин — человек добрый и с воображением. Он сразу представляет себе ожесточенную борьбу, которая происходит в ослабевшем организме собеседника, и говорит:

— Не расстраивайся так, товарищ Мухин. Мы тебе поможем, на дорогу подкинем.

— Это само собой,— оживляется Мухин.— Вы меня посылаете, вы и оплачивать должны. Это по справедливости.

Ничегошенькин умиротворенно улыбается.

Где только не пил Мухин водку за последние годы! И на шумной Ялтинской набережной, пачкая пальцы жирными чебуреками; и в тени магнолий, спасаясь от яркого солнца Сухуми; и сидя на мрачных скалах Северного Крыма. Но ничто не помогало. Зловредная судьба цепко держала бедного Мухина в своих, как говорится, жестких руках, не знающих пощады.

Возвратившись на завод, Мухин при каждом случае подчеркивал: «Я наследственник» — и продолжал прогуливать. Следующие после очередного отпуска одиннадцать месяцев он пьянствовал уже в менее экзотической обстановке. Отдыхал не в тени пальм, а в придорожной канаве, которая начисто была лишена субтропической растительности.

— Нет, нет, товарищи,— говорил Яков Аггеевич Ничегошенькин,— наши курорты не на высоте. Не могут они вернуть нестойкого товарища к многогранной жизни. У нашего медперсонала нет должной чуткости.

Наконец кто-то посоветовал Ничегошенькину пригласить гипнотизера. Советовавший сказал при этом убежденно:

— У него черные глаза. Испытанное средство. Только глянет — и весь алкоголизм как рукой снимает. Вот мой дядя...

Член завкома, которому председатель поручил отыскать «человека с черными глазами», не успел выполнить задание. Нашлись дела поважнее, чем приглашение гипнотизера. В жизни общества произошло изменение, которое приветствовали все люди с чистой совестью. Был принят закон, направленный против злостных прогульщиков.

Это не описка, дорогой читатель, насчет нового закона. Это и есть обещанный отход от действительности в сторону домысла. Пишущий вправе пофантазировать о том, что произошло бы с наследственным Мухиным и добросердечным Ничегошенькиным после соответствующего изменения трудового законодательства.

Пока мы доказывали свое право на фантазию, Мухин коротал рабочий день в пивной. Он провел его в обществе нескольких сосудов с горячительными напитками, которым жаловался на свою судьбу.

Задушевная эта беседа была названа прогулом.

Дело передали в народный суд.

Свыкшийся с безнаказанностью Мухин только удивился, но не забеспокоился. Запойный, но смирный, он еще не сиживал на скамье подсудимых. За тот ущерб, который наносили прогулы заводу, взыскивать по суду было не принято. И ничего удивительного нет в том, что судью Мухин представлял себе тем же добряком Ничегошенькиным.

С судебного заседания Мухин приплелся в завком.

— Ну как? — спросил Ничегошенькин.

— Принудиловку припаяли. Двадцать пять процентов вычитать будут.— И, мгновенно переведя эту сумму в поллитровки, Мухин возмущенно добавил: — Чистый грабеж!

— Да, погубили человека,— сокрушенно махнул рукой Ничегошенькин.— Ну и напьешься же ты теперь!

Мухин встрепенулся.

— Это зачем же?

— Как зачем? Ведь ты же наследственник! У тебя гены!

— Мало ли что гены!

— Еще хромосомы у тебя.

— И шут с ними!

— Но в твоей зародышевой клетке заложена жажда алкоголя!

— Ну и пускай. Принудиловка — это вам не Ялта.

Ничегошенькин растерялся. Рушились устоявшиеся представления. Все было непонятно, все было необъяснимо...

— А папаша? — спросил Ничегошенькин.— Разве покойный папаша не шепчет: «Возьми, сынок, половинку!»?

— Пускай себе шепчет. Не ему принудиловку отрабатывать.

— Получается, уходишь ты от судьбы, Мухин!

— Ясное дело. Как говорится, каждый токарь — кузнец своего счастья,— объяснил чудесно исцеленный Мухин и направился к двери.

— Погоди! — крикнул Ничегошенькин, в мозгу которого мелькнул лучик догадки.— А ты не заметил, какие глаза у судьи?

— Как не заметить, когда он меня так и сверлил своими зенками. Черные глаза!

— Черные! — обрадованно вскричал Ничегошенькин.— Черные! Теперь я все понял.

Бабкен КАРАПЕТЯН

«НЕ ВОЗРАЖАЮ»

Едва возглавил он «Подкову — гвоздь»,
Как стало ясно всем: зав очень осторожен.
От всех, чтоб не судили вкривь и вкось,
Он был немногословьем отгорожен.

Имел он зама, а у зама зам
Имелся, в свой черед, во всех отделах.
Не мог решать он все проблемы сам
И замов подобрал весьма умелых.

Душа его дышала добротой,
Отзывчивостью без конца и краю.
Он говорил: — Я человек простой:
Вот заму я пишу: «Не возражаю».

Такую резолюцию он мог
Черкнуть и не читая заявленья:
На то и замы, чтобы без тревог
Зав предавался кабинетной лени.

Какой-то заявитель в сотый раз
Пытался разрешить вопрос толково.
Его б скорей обрадовал отказ,
Чем эта резолюция в два слова.

И вот в отместку он задумал сам
Подать такое заявленье заву:
«Что небо зря коптить! Катись ко всем чертям!
Тебе в аду бы восседать по праву.

С тех пор, как в кабинете ты засел,
Ни одного не выполнил ты дела.
Так убирайся прочь от всяких дел:
Всем доброта твоя осточертела!»

Впорхнула секретарша: — Вот беда:
Опять бумажками вам докучают...
Взяв красный карандаш, он, как всегда,
Украсил уголок: «Не возражаю».

А вскоре «сверху» принесли пакет —
И понял зав: конец земному раю.
Там кто-то поддержал его ответ
И тоже написал: «Не возражаю».

Авторизованный перевод с армянского
Павла ПАНЧЕНКО.

УЛЫБКА СТРЕКОЗЫ

Московский комбинат графического искусства одарил Таганрогскую кондитерскую фабрику. Одарил товарным знаком.

Знак вызвал не столько удовольствие, сколько недоумение. И стали таганрожцы знак в разные стороны вертеть на предмет распознавания, что же таковой означать должен.

— Судя по полумесяцу, это, братцы, не иначе как знак с государственного флага какой-то восточной державы,— сказал председатель фабкома.

— Но при чем тут Таганрог? — спросил директор.

— Минуточку, я, кажется, вник,— сказал главный инженер.— Тут изображен... дуршлаг с погнутой ручкой.

— А вот и не дуршлаг! — воскликнул молодой технолог.— Поверните-ка вниз полумесяцем. Видите: улыбка стрекозы.

— Но, позвольте, мы стрекоз не производим,— резонно заметил директор.— Давайте-ка почитаем сопроводиловку.

И прочли:

«Марка (товарный знак) предназначается для изделий, выпускаемых кондитерской фабрикой «8 Марта» в г. Таганроге.

Она представляет собой обобщенный символический образ кондитерских изделий и содержит графическое выражение основных характерных признаков этих изделий: легкость, воздушность, взбитость, наличие глазури, использование при изготовлении различных ягод, орехов, цукатов и проч.

Художник М. Н. Бобранова».

И это все?! Нет, не все. К сему еще прилагался счет на 115 рублей и 34 копейки. Да, не дешевы нынче стрекозы!

А. Ю.

МАГИЧЕСКОЕ

На днях перед судом предстанет Борис Тихомиров, студент Московского инженерно-строительного института. Его будут судить за участие в групповом изнасиловании.

Мы твердо уверены, что, разбирая дело, суд обратит меньше всего внимания на то обстоятельство, что отец Бориса Тихомирова — бывший заместитель председателя Моссовета, а ныне директор Академии коммунального хозяйства имени Памфилова. Но мы не суд, и нас этот факт интересует больше всего. И не потому, что хотим подвергнуть отца подсудимого, в общем-то заслуженного работника и неплохого человека, фельетонной экзекуции. Мы не собираемся читать ему утомительную лекцию о воспитании детей и отцовском долге. Это прописные истины. Мы хотим поговорить о другом. Случайно ли было совершено преступление на Фрунзенской набережной?

* * *

Борис Тихомиров никогда не страдал болезненной склонностью к мистике. Выпивая чашку кофе, он никак не использовал гущу, дабы заглянуть в будущее. Он не засиживался при зажженных свечах перед зеркалом, не раскладывал пасьянса и не заказывал потусторонних спиритических разговоров с духами предков.

Одним словом, наш герой привык нисколько не бояться фортуны и даже был с ней на короткой ноге. Для этого у него имелись все основания. Дело вовсе не в том, что фортуна питала какое-то необъяснимое пристрастие к самому герою фельетона. Да и вряд ли Борис Тихомиров добивался ее благоволения. Как убежденный материалист и безбожник, он твердо верил, что судьба человека решается не на небесах, а в приемных комиссиях и отделах кадров.

В мире же приказов, печатей и несгораемых шкафов он мог твердо рассчитывать на поддержку, ибо его папа, как мы уже сказали, был не просто папа, а папа ответственный. И о сиянии папиного имени никак не могли забыть люди, вершившие судьбу Бориса Тихомирова.

Когда сынок ответственного папы провалился на вступительных экзаменах в Энергетический институт, он не стал заламывать руки и принимать успокоительные лекарства. Он спокойно забрал свой более чем скромный аттестат зрелости и решительной походкой вошел в кабинет председателя приемной комиссии существовавшего тогда Строительного института Моссовета. Борис не просил отца кланяться в ноги институтскому начальству. В этом не было никакой необходимости.

Руководители приемной комиссии В. С. Колокольников и М. В. Данилов хорошо знали, что прием в институт уже закончен. Но еще лучше они знали фамилию Тихомиров. Это была очень известная фамилия, ласкавшая слух, рождавшая всякие приятные ассоциации Человеку с такой фамилией хотелось угодить. Авось, заметит там, наверху, оценит чуткость педагогов...

Короче говоря, их не терзал вопрос, принимать или не принимать Бориса Тихомирова. Единственное, в чем они некоторое время сомневались,— это внести ли знатного абитуриента в институт на руках, в сопровождении сводного самодеятельного оркестра всех факультетов, или разрешить ему войти самому. После недолгих колебаний восторжествовала принципиальность: пусть войдет собственными ногами, пусть привыкает к самостоятельности.

И новоиспеченный студент поспешил отблагодарить своих доброхотов. Нет, не такими пустяками, как «пятерки» во время экзаменационной сессии. Он устроил в институте для друзей закрытый просмотр порнографического фильма домашнего изготовления.

Будь киномехаником кто-нибудь другой, не миновать бы ему жесткой скамьи подсудимых. Но снова сработало обаяние тихомировской фамилии.

Скрепя сердце «проказника» отпустили из института и устроили «перевоспитываться» на завод железобетонных изделий номер четыре. Все в той же системе Моссовета, заметьте. Все в той же сфере влияния магической фамилии.

Судя по документам, на заводе воцарилось ликование. Коллектив словно преобразился. Если верить характеристикам, все, начиная с директора и до вахтера, были пленены скромностью, железной дисциплинированностью и фантастическим трудолюбием экс-студента.

Прямо на глазах с мультипликационной быстротой бывший лодырь, пьяница и любитель «клубнички» превращался в образцово-показательного передовика производства, которого хотелось поставить перед камерой кинохроники.

На заводе был словно объявлен негласный конкурс на лучшую характеристику Борису Тихомирову.

Директор уже через два месяца после поступления Бориса печатно свидетельствовал: «К работе относится хорошо... Вежлив и внимателен... Отличный общественник...»

Начальник отдела кадров благоговейно вторил: «Освоил три специальности... Исключительно работоспособный и трудолюбивый... Чуток и отзывчив».

Что же касается секретаря комсомольской организации завода О. Свитнева, то в его характеристике чувствуется юношеская тяга к романтизму:

«Молодой и инициативный товарищ... Своей любознательностью и стремлением узнать жизнь коллектива заслужил доверие и уважение...»

Но при всем разнообразии восторженных эпитетов все характеристики с завода кончались одной и той же душераздирающей нотой. Все умоляли Министерство высшего образования немедленно восстановить честного работягу с трудовыми мозолями в правах студента.

Министерство высшего образования не осталось глухим. Вскоре оттуда в Московский инженер-

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ОЧКОВТИРАТЕЛЮ

Рисунок Е. ГОРОХОВА

ИМЯ

но-строительный институт имени В. В. Куйбышева (куда влился Строительный институт Моссовета) пришла бумага с предложением рассмотреть вопрос о Борисе Тихомирове совместно с общественными организациями.

Заместитель директора института В. А. Китайцев тоже отлично знал фамилию Тихомиров и, избрав в качестве «общественных организаций» самого себя, тут же начертал резолюцию: «Подготовить приказ о восстановлении».

Таким образом, уже через четыре месяца после исключения любитель порнографии был снова студентом.

Борис Тихомиров писал в заявлении:

«Полученный урок в начале моей жизни я хорошо понял и прочувствовал...»

И действительно, он понял и прочувствовал: ему все можно. Везде найдутся люди, которые захотят сделать приятное папе.

Толстая пачка выписок из приказов в его личном деле однообразна, как лекции о любви и дружбе: выговор, строгий выговор, снова выговор и опять строгий... Прогулы, академические задолженности, пьянки, снова прогулы, снова пьяные оргии в общежитии...

Своим терпением проректор института В. М. Предтеченский походил на библейского Иова. Очень уж не хотелось ему, видно, огорчать такого ответственного человека, как папа Тихомиров.

И потребовалось тягчайшее уголовное преступление, чтобы институтское начальство нашло в себе силы выйти из магического транса, вызванного именем Тихомиров.

Только после этого впервые в жизни Бориса Тихомирова появилась характеристика, где он изображен в духе критического реализма. На запрос прокуратуры институтское начальство сообщало:

«Борис Тихомиров... успевает посредственно, малодисциплинирован... участия в общественной жизни не принимал...»

* * *

Один из соучастников Бориса Тихомирова по преступлению сказал о нем: «Он везде чувствовал себя хозяином».

Что ж, в самом слове «хозяин» плохого ничего нет. Все мы хозяева своей страны. Борис чувствовал себя скорее хозяйским сынком, твердо уверенным, что любая его прихоть будет самым незамедлительным образом удовлетворена расторопными приказчиками.

А в их расторопности он ни на минуту не сомневался. Магическое имя порой заставляет даже неплохих в общем-то людей превращаться в угодливых швейцаров, стремящихся как можно преданнее заглянуть в глаза потенциальному благодетелю.

Преклонение перед магическим именем любого масштаба и холуйская привычка забывать под его влиянием все свои принципиальные убеждения — это ли не культ имени?

В. ТИТОВ,
З. ЮРЬЕВ

Надежное лекарство

Приехал в область на пост первого секретаря обкома партии новый товарищ и попросил своих ближайших помощников:

— Помогите мне, друзья! Здешние условия я еще знаю плохо, как бы ошибок не наделать!

— Поможем! — хором ответили они.

Проходит месяц, другой. И замечает секретарь, что члены бюро очень уж усердствуют друг перед другом в подхалимстве перед ним. Что бы он ни сделал, что бы ни сказал, сейчас все наперебой принимаются курить ему фимиам:

— Замечательную мысль высказали, Петр Антоныч! Просто гениальную!

— Лучше придумать невозможно!

— Светлая у вас голова, Петр Антоныч!

И все в таком духе. Неприятно, тошно слушать первому секретарю. И решил он, что надо кончать с этим злом...

На очередном заседании бюро произнес первый секретарь такую речь:

— Когда я приехал в область, все вы обещали помогать мне. Под помощью я прежде всего подразумевал деловые советы, критику моих упущений и недостатков.. А вы что делаете? Только и знаете, что дифирамбы поете, убаюкиваете меня, а в результате делу вредите. Дальше так продолжаться не должно. Предлагаю для начала моей правой руке, второму секретарю обкома, как наиболее рьяному подхалиму, объявить выговор, а других товарищей предупредить. Не исправятся — пусть пеняют на себя!

Предложение первого секретаря было столь неожиданным и ошеломляющим, что члены бюро сперва как бы онемели. Потом подумали, что Петр Антоныч шутит. Второй секретарь так и сказал:

— Шутить изволите, Петр Антоныч? Остроумно это у вас получилось. Просто замечательно! Хе-хе...

— А я не шучу. И ставлю свое предложение на голосование. Кто за?

Предложение было принято единогласно.

Может быть, некоторые члены бюро подняли руку из подхалимских побуждений: ведь предложение исходило от первого секретаря! Но как бы там ни было, а весть о том, что обком за подхалимство привлекает людей к партийной ответственности, облетела область с быстротой ветра. Кое-где последовали примеру обкома и наказали особенно усердствующих подхалимов.

И все почувствовали, что количество елея в речах резко пошло на убыль.

Оказалось, новый секретарь обкома привез хорошее лекарство.

Оно и сейчас действует на редкость надежно.

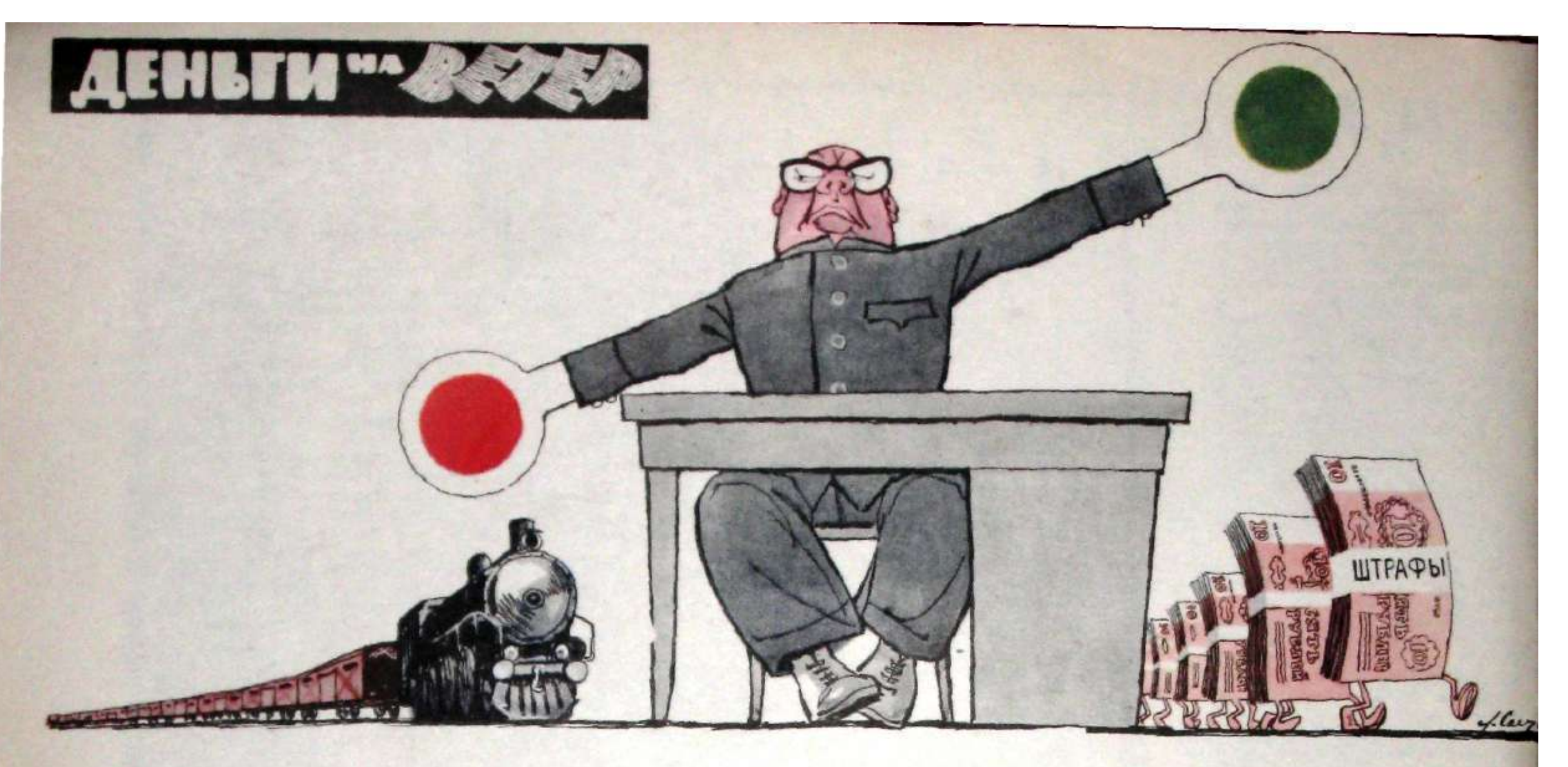
Ульян ЖУКОВИН

ПОДЕЙСТВОВАЛО...

— Безобразие! Срочно отремонтируйте коровник!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ИСПОРЧЕННЫЙ СЕМАФОР

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Диана на зарплате

Богиня Диана, вечно юная *охотница с луком и колчаном* за плечами, весело промышляла в тенистых лесах и на солнечных полях. Но она не только охотилась, а была еще и покровительницей домашних и диких животных, оберегала живую природу. Оберегала безвозмездно, так сказать, на общественных началах.

Диана современная — егерь госохотинспекции Александра Федоровна Ковалева—ружья в руках не держала, диких птиц и зверей почти не видывала. Но на охотничьем Олимпе почему-то порешили: закрепить за Ковалевой участок Типки — пятнадцать тысяч гектаров — и определить ей твердую ежемесячную зарплату. Карауль, Александра Федоровна, фауну!

И Александра Федоровна принялась за дело. Ревностно, от зари до зари, охраняла Александра Федоровна животных — своих, домашних. В пору гнездования Ковалева хлопотала у гнезд индюшек, кур, гусей. Не диких, разумеется, а тоже своих. Птенцов вывелось немало, всех надо накормить, укараулить от хищников. А тут еще 7 коров и телят, 44 овцы... Фауна!

В хлопотах и заботах незаметно подошла осень — пора уборки урожая. Тоже горячие деньки. Такие горячие, что и часа свободного у егеря не было, чтобы наблюдать за жизнью диких зверей и пернатых. Они плодились сами по себе, собственными же силами отбивались от хищников и браконьеров.

Впрочем, подумаешь, какая беда! Все равно Диану Ставропольскую никто не контролирует. Да и не одна она у госохотинспектора Ставропольского края тов. Рыбалова. У него двадцать егерей в угодьях. Поди-ка проверь их работу!

Мы едем по участку Александры Федоровны. Ни столбов, ни указателей. Никто не может нам сказать, сколько охотников посетило участок, сколько они отстреляли дичи. Нет, не охраняла Александра Федоровна фауну и флору! Достаточно сказать, что прошлым летом кто-то выжег треть лучших охотничьих угодий. За год Ковалева не задержала ни одного браконьера, хотя они часто здесь появляются.

На соседнем с Ковалевой участке не менее вольготно живется егерю Василию Иосифовичу Кочетову. Нам показалось, что мы приехали на птицеферму. В глаза бросилось обилие домашней птицы: десятки кур, гусей, индеек, уток. Пасутся три коровы, десятка полтора овец. Вся живность принадлежит лично егерю. Скот и птица упитанные, видно, и уход за ними хороший и корма для них вволю. Гуляет около дома и Пегашка. Она куплена и содержится на государственные деньги и пришлась очень кстати. Где бы взял Василий Иосифович лошадку для подвоза сена или для поездки на базар? Спасибо Главохоте: выручила лошадкой!

Входим в дом. В комнатах, предназначенных для отдыха охотников, холодно, водяное отопление не действует, на койках грязные матрацы, постельного белья нет. В хозяйской же половине, где живет егерь с семьей, тепло и уютно.

Жалко выглядят и катер и лодки у причала. Стекла у катера выбиты, лодки обшарпаны. Ни засидок, ни хотя бы старых шалашей для охотников на участке не заметно.

Словом, следов полезной деятельности на участке Василия Кочетова нам обнаружить так и не удалось. Да это и понятно: времени егерю не хватает. В поте лица трудится он в своем хозяйстве. На казенной Пегашке косит травы и возит сено для своих коровушек и овец. Как ни был трудолюбив Василий Иосифович, но все же управляться с живностью не успевал. Необходим был помощник. И такой нашелся. С охотничьего Олимпа последовал приказ: назначить Марию Максимовну, жену Василия Кочетова, вторым егерем. Василий Иосифович наконец-то смог и рыбку половить, поохотиться. Все это в дом, все это даровое, идет в закрома егеря.

Егерь подобен удельному князьку: что хочет, то и делает на участке. Пусть его называют «охотник с зарплатой», но ведь молва, как роса,— высохнет и забудется.

Надо иметь особое воображение, чтобы понять, за что же получает зарплату егерь на Мадыкском участке Коротких. Живет он в селе Дивное, в 18 километрах от Мадыка. Путешествие туда и обратно (36 километров!) укатает любую Сивку-Бурку. И все же Коротких наведывается на участок: пострелять зайчат, лисиц. Шкурки егерь, как водится, сдает заготконторе.

— Егеря работают без контроля,— утешает себя главный госохотинспектор Ставропольского края тов. Рыбалов.— Всюду они одинаковы.

В штате Главохоты РСФСР 1 750 егерей. На содержание егерских участков государство затрачивает сотни тысяч рублей. Егеря, эти своеобразные хозяйчики, предоставлены сами себе. Хочет егерь — оберегает фауну, хочет — уничтожает. И дело не в том, хороший он егерь или плохой. Сама система егерской службы, созданная шесть лет назад Главохотой, не нужна.

За последние годы окрепли охотничьи общества Российской Федерации — эти настоящие хозяева охотничьих угодий. Охотничья общественность настаивает: нужно ликвидировать институт егерей, а угодья передать обществам охотников.

Росохотрыболовсоюз, прислушиваясь к голосу общественности, обратился в Совет Министров РСФСР с просьбой передать егерские участки охотничьему обществу, освободив бюджет государства от нахлебников.

На Олимпе Главохоты встревожились: «Кто смеет требовать ликвидации егерских участков? Рано, рано общества охотников тянутся к охотничьему хозяйству! Общественность уж до фауны добирается! Не выйдет!»

Но новое явление в нашей жизни трудно опорочить. Егерские участки в трех областях: Тульской, Ивановской и Московской — Совет Министров РСФСР передал Росохотрыболовсоюзу. Участки-то переданы, но штат егерей сохранился, и целая армия здоровых людей, обреченных на безделье, продолжает черпать миллионы рублей из государственного кармана.

Диана Ставропольская по-прежнему на зарплате...

Но каково-то фауне?

Б. СЕРГЕЕВ,
К. ЯСТРЕБОВ

ЦЫПЛЕНОК ЖАРЕНЫЙ И ВОЛОКИТА

Моталось по городам и весям ехидное и прегаганенькое существо Волокита и забрело однажды в престольный град Киев. Тут Волокита и услышала разговор трех солидных руководящих дядьков: одного — из «Укрниигипросельхоза», другого — из республиканского Госплана и третьего — из Украинского совнархоза. Они вдохновенно обсуждали, как быстрее построить в Крымском опытном совхозе Украинского научно-исследовательского института птицеводства бройлерную фабрику производительностью три миллиона мясных цыплят за год.

Из разговора дядьков особенно запомнились Волоките заключительные фразы.

— Аппетитное дельце! — бодро воскликнул госплановец.— Так провернем его, что люди ахнуть не успеют. Гиганты за полгода строим, а тут, подумаешь, какая махина — птицефабрика?

— Нажмем на все педали, аж пух-перо полетит,— энергично тряхнув головой, поддержал совнархозовец.

— Да и мы в долгу не останемся,— поддакнул проектировщик.

И под звуки популярной мелодии «Цыпленок жареный, цыпленок пареный...» скрепили дядьки достигнутую договоренность своими подписями.

— Цыплят по осени считают,— прошипела Волокита.

Зловредные это были слова, но верные.

Прошла первая осень, наступила вторая, затем третья, а цыплят с бройлерной фабрики ни в жареном, ни в пареном виде так никто и не попробовал. Просто потому, что такой фабрики до сих пор нет. И виной всему она, Волокита.

«Укрниигипросельхоз» не спешил изготовлять рабочие чертежи и выдал их с опозданием на полгода. Республиканский Госплан вкупе с Украинским совнархозом тоже не торопился обеспечить стройку материалами, металлом и оборудованием.

Вот и сейчас, когда уже все сроки пуска фабрики миновали, строителям позарез нужно комплектующее оборудование для паровых котлов. Но не тут-то было. Его обещают выдать лишь в первом квартале 1963 года.

К чести знакомых уже нам дядьков, они в этой сложной ситуации бодрости духа не теряют и голов не вешают.

— Что за беда? — рассуждают они.— Примем меры, изменим сроки. Нажмем на кого следует. Нам ли привыкать? Главное — без паники. Вон у загорских коллег из Всесоюзного научно-исследовательского института птицеводства со строительством бройлерной фабрики еще хуже...

Оказывается, Волокита и там навредить успела.

Судьбу второй бройлерной фабрики решали в Министерстве сельского хозяйства СССР, и решали, пожалуй, еще более лихо, чем в Киеве.

Коллегия министерства постановила: строить птицефабрику на базе хозяйства института птицеводства. Решение отпечатали на самой лучшей бумаге и вручили самому быстрому скороходу для доставки адресату. Работники министерства с облегчением вздохнули:

— Слава всевышнему, мы свое дело сделали. Теперь пусть у других голова болит.

Так и случилось. Прежде всего схватились за голову проектировщики «Росгипросельхоза». И было отчего. В канун 1962 года, когда уже все заказы были сверстаны в единый план, от проектировщиков вдруг потребовали:

— Быстро составляйте проектное задание на птицефабрику! Спешно гоните рабочие чертежи!

Проектировщики сначала взялись за работу с пылом-жаром. Но быстро остыли, когда Главмособлстрой категорически отказался приступить к строительству фабрики в 1962 году. И испытали совсем уж арктический холод, когда министерство обязало институт птицеводства строить фабрику своими силами, не предоставив для этого ни денежных средств, ни материалов.

— Помилуйте,— взмолились ученые мужи,— ведь это же не карточные домики возводить! Нужны кирпич, цемент, трубы и все такое прочее...

— Ищите да обрящете,— с библейской мудростью посоветовали им в министерстве.

Жрецам науки ничего другого не оставалось, как подрезать свои расходы, поскрести у себя в хозяйственных закромах. Так, собрав с грехом пополам кое-какие ресурсы, они приступили к строительству.

И началась у строителей развеселая жизнь. Надо к работам приступать, а технической документации нет и в помине. Построили котельную, а котлы, оказывается, поступят лишь в следующем году. Надо бы форсировать прокладку теплотрассы, но недостает труб и плит для покрытия тоннелей. Закончили реконструкцию кормоцеха — не хватает оборудования для дозирования кормов. Словом, сплошные закавыки.

Подогревая всю эту канитель, Волокита в то же время не теряла из виду свою первую подопечную — стройку в Крыму. Волокиту не на шутку встревожили поступавшие вести: руководящие органы Украинской республики решили наконец ускорить строительство.

И Волокита поскакала к Черному морю. Но, как выяснилось, ее тревога была преждевременной. Хотя строительные работы и подвинулись, зато затормозился монтаж оборудования в бройлерных цехах. Как будешь работать, если того не хватает, этого недостает!

Поставку оборудования должна была обеспечить «Россельхозтехника» с помощью ВСНХ.

Волокита ринулась в Москву. Она появилась в ВСНХ в тот момент, когда несколько работников секретариата председателя забавлялись увлекательной игрой — отфутболивали друг другу письмо «Союзсельхозтехники», слезно умолявшей ускорить изготовление недостающих изделий для Крымской фабрики.

Наконец, после удачного «пушечного удара», письмо попало к заместителю начальника Главного управления электротехнической и приборостроительной промышленности тов. Брицко. Недоуменно пожав плечами, Брицко тут же отпасовал письмо начальнику отдела тов. Гришину с резолюцией: «Что нам известно по этому вопросу?» Тов. Гришин мог, конечно, при желании рассказать, как он отправил в архив два аналогичных письма «Россельхозтехники». Но, прикинув, что этим он только наведет тень на свой плетень, предпочел отмолчаться.

Лишь спустя пять месяцев в ВСНХ спохватились и поручили Челно-Вершинскому заводу изготовить недостающее оборудование.

Наконец-то на стройку прибыли два комплекта долгожданных изделий. Монтажники, троекратно прокричав «ура!», принялись распаковывать посылку. Но, увы, их ожидал новый сюрприз: оба комплекта оказались... некомплектными, без автоматики.

С 1959 года лежит без движения импортное оборудование, закупленное для двух фабрик. Предполагалось, что уже в 1960 году оно вступит в действие и конвейеры только одной из этих фабрик будут выдавать по три миллиона бройлеров в год.

Значит, за прошедшие три года страна должна была получить миллионы цыплят. А сколько получила?

Но об этом лучше спросить у знакомых уже нам дядьков из Киева, Министерства сельского хозяйства, «Россельхозтехники» и ВСНХ.

Как видите, неплохо идут дела у Волокиты!

Г. КРЕСЛАВСКИЙ

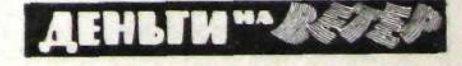
Нахлебники.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

«ВО ИСПОЛНЕНИЕ»

Пришел в учреждение
Приказ о сокращении,
О сокращенье штата,
Раздутого когда-то.
Решается без спора:
Уволить полвахтера,
Три четверти монтера
И пять шестых лифтера.
Затем включили в списки
Две трети машинистки,
Ноль целых инженера
И семь восьмых курьера.
В отчете рапортуется
О кадрах и о мерах...
Несет пакет по улице
Восьмая часть курьера.

Арк. ИЕВЛЕВ

СТОЛПЫ ДЕМОКРАТИИ

ВЕЛИЧИЕ ПУСТОГО ЗАЛА

В величественном Капитолии, гордо возвышающемся над Вашингтоном, трудятся в поте лица своего законодатели Америки.

Зайдите в это святилище, и вас наверняка охватит благоговейный трепет.

Вот зал заседаний американского сената. Даже меня, неисправимого атеиста, когда я впервые переступил порог этого зала, пробрала дрожь при виде броских, как реклама, девизов, украшающих стены: «Мы верим в бога», «Бог помогает нам в наших начинаниях». Не могло не поразить и многое другое.

Просторный полукруглый амфитеатр почти пуст, как карман среднего американца в день выплаты налогов. Только трое пожилых, обрюзгших мужчин, весело похихикивая, оживленно о чем-то сплетничают. В сторонке два аккуратненьких старичка, полудремля, читают газеты, а в самом первом ряду откровенно похрапывает еще один упитанный джентльмен. В проходе между креслами стоит оратор. Он так размахивает руками, что кажется, вот-вот взлетит. Голос его сотрясает стены, но даже председатель этого собрания невозмутим, как Будда. Он сидит на небольшом возвышении в центре полукруга, и его неподвижная, словно высеченная из камня, фигура как. бы завершает композицию законодательного святилища.

Чинно стоят, словно задумавшиеся мастодонты, столы и кресла образца 1819 года. На столах тускло поблескивают банки с песком, некогда заменявшим промокательную бумагу...

Идет очередное заседание американского сената. И пусть вас не смущает пустой зал. Это обычная картина. Все, что сейчас обрушивает на пустые кресла разгорячившийся оратор, не пропадает для истории. Уже к вечеру этого дня его многочисленные коллеги, отсутствующие на заседании, смогут при желании ознакомиться с текстом произносимой сейчас речи.

А если достопочтенные сенаторы и не успеют прочитать отчет, винить их за это не стоит. Во-первых, они люди взрослые и знают, что им надо читать и слушать и что не надо. Во-вторых, и это главное — они люди очень занятые.

Когда два корреспондента американского журнала «Сатердей ивнинг пост» решили проинтервьюировать самого влиятельного человека в сенате — сенатора Роберта Керра из Оклахомы, им пришлось потратить немало времени, чтобы добиться встречи. Еще бы! Оклахомский миллиардер не только выполнял обязанности слуги народа, но еще вдобавок управлял урановой империей, телевизионным царством, нефтяными княжествами. Попробуй пробейся к такому занятому человеку!

На робкий вопрос корреспондентов, не сталкиваются ли его собственные интересы с интересами нации, Керр ответил негодующим рыком:

— Черт меня побери! Я — во всем!

Далее разгневанный сенатор-миллиардер твердо заявил, что ни у него и ни у кого другого в конгрессе и сенате никогда не возникает никаких противоречий между призванием бизнесмена и обязанностями законодателя. Народные избранники чисты, как белоснежные ангелы, и невинны, как ясноглазые младенцы.

Увы, Роберт Керр, не приведя никаких примеров в доказательство своей правоты, недавно скончался.

Так что придется нам самим познакомиться поближе с белокрылыми и непорочными обитателями Капитолия.

НЕУКРОТИМЫЙ УОЛТЕР

Именно так прозвали друзья и знакомые конгрессмена Фрэнсиса Уолтера из Пенсильвании — председателя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. С яростной энергией он таскает к себе в комиссию каждого, кто двадцать пять лет тому назад жил на одной улице с человеком, о котором якобы говорили, что он, возможно, сочувствует борцам за мир.

Но Уолтер не только обрушивается на подрывателей основ. С не меньшей энергией борется он за друзей и товарищей. Уолтер — адвокат, и, естественно, он не мог оставить в беде своего друга и коллегу Гарри Олкера, задолжавшего казне скромную сумму в восемьсот тысяч долларов. Два года с неукротимостью льва бился Уолтер, выгораживая коллегу. Он обвинял всех тех, кто пытался выбить из Олкера неуплаченные деньги, в антиамериканской деятельности, он метал громы и молнии, использовал для борьбы с законом все свое влияние конгрессмена. И наконец закон был уложен на лопатки. Жулик Олкер положил в карман почти миллион долларов. Уолтер гордо заявил, что не взял со своего клиента ни гроша. В некотором смысле он не соврал. Грошей он не брал. Он взял полмиллиона долларов.

Поистине Уолтер — человек, чья энергия может сравниться лишь с его честностью и праводивостью.

ГВАТЕМАЛЬСКИЙ СЕНАТОР

Нет, нет, сенатор Томас Дж. Додд избран в сенат вовсе не от Гватемалы. Тем более, как известно, Гватемала в Соединенные Штаты Америки не входит, во всяком случае, официально. Он сенатор, говоря строго формально, от штата Коннектикут. Но тем не менее мистера Томаса Дж. Додда именуют гватемальским сенатором.

Все дело в том, что сенатор Додд энергично добивался увеличения американской «помощи» Гватемале на пять миллионов долларов. Спустя некоторое время выяснилось, что он получал за это от гватемальских властей скромную мзду в размере ста тысяч долларов в год.

Вот так-то между Коннектикутом, Гватемалой и сенатом США возникла самая теплая (100 000!) связь. Но можно ли упрекать мистера Додда за укрепление связей между странами? Сто тысяч раз нет.

В ЗНАК СИМПАТИИ

В 1951 году мистер Смазерс впервые был избран в сенат от Флориды, и его адвокатская фирма уже тогда представляла собой настоящий юридический конвейер. Среди его клиентов были страховые компании и крупная авиационная компания «Пан-америкэн».

Но стоило Смазерсу стать сенатором, как к его юридической фабрике, словно медведи на запах меда, потянулись новые клиенты: нефтяные, пароходные, авиационные корпорации.

Меньше всего они, конечно, рассчитывали на то, что сенатор-адвокат вдруг наизусть выучил все законы. Наоборот, на новом посту мистер Смазерс не имеет буквально ни минуты свободного времени для повышения своей квалификации и работы над собой.

Но тем не менее ничего удивительного тут нет. Мистер Смазерс всегда интересовался законами, а теперь ему представилась возможность изменять их. Причем по случайному совпадению он способствует изменению как раз тех законов, которые не по душе его клиентам. И если за последние годы он получил от клиентов сотни тысяч долларов, так это не за обман государства, а в знак глубокой душевной симпатии.

Можно ли после этого всерьез говорить о сенаторе из Флориды как о человеке, чьи корыстные интересы в стократ перевешивают государственные?

РАЗЪЯРЕННЫЙ ТИГР

Когда конгрессмен Джеймс Рузвельт из Калифорнии выступал на заседаниях комиссий конгресса, где речь шла об ослаблении контроля над банками, даже старожилы Капитолия восхищенно качали головами и украдкой утирали слезы умиления.

Нет, жив еще несокрушимый законодательный дух, горит в сердцах конгрессменов гражданский долг!

Смотрите, не жалеет человек ни сил, ни времени, ни эмоций, бьется, как разъяренный тигр, за права банков! Чем не образец гражданского мужества?

А когда утихли страсти и окончились дебаты, разъяренному тигру был предложен пост председателя правления одного из его подзащитных банков со скромным окладом в шесть тысяч долларов.

И что же, вы думаете, сделал тигр? Он принял этот пост, проявив тем самым высокую принципиальность, ибо твердо верит, что банки должны управляться именно такими людьми, как он.

РАСЩЕПЛЯЮЩИЙСЯ СЕЛЛЕР

Безусловно, один из наиболее ярких примеров кристальной честности конгрессмена — это мистер Селлер, председатель юридической комиссии конгресса.

До избрания в конгресс он был партнером крупной юридической фирмы, занимающей весь двадцать второй этаж небоскреба «Парамаунт билдинг» в Нью-Йорке. У входа красовалась внушительная медная табличка: «Вайсман, Селлер, Аллан, Спет и Шайнберг». Фирма вела многочисленные дела с правительством. Когда же Селлер стал конгрессменом, старая табличка была снята. Не мог же честный человек одновременно входить и в конгресс и в фирму, имевшую дела с правительством. Вместо старой таблички повесили две новые, рядышком. На одной написано: «Вайсман, Аллан, Спет и Шайнберг». На другой: «Вайсман, Селлер, Аллан, Спет и Шайнберг». Дескать, первая группа джентльменов якшается с правительством, зато вторая далека от него, как звезда Сириус от Чикаго.

Как видите, фирма разделилась на две, а на две таблички, и мистер Селлер ходит с высоко поднятой головой. А деньги? О, это пустяки. Он уже не получает от своей фирмы столько, сколько раньше. Конгрессмену, человеку с влиянием, это неудобно. Он получает больше.

КРИСТАЛЬНАЯ ТРОЙКА

Даже самые злые языки в американской печати не могут обвинить сенаторов Эверетта Джордана из Северной Каролины, Барри Голдуотера из Аризоны и Гарри Бэрда из Виргинии в том, что их кто-то подкупает. А ведь, казалось бы, странно, что первый из них буквально исходит пеной, требуя льгот для текстильных заводов, второй и во сне произносит речи в защиту интересов крупных универсальных магазинов, а третий всегда и везде требует субсидий для лиц, выращивающих в крупных масштабах яблоки.

Но нет, никто не оказывает на них давления, и каждый следует лишь велениям собственной совести. Это совсем не трудно, ибо Джордан — владелец текстильных заводов, Голдуотер — универмагов, а Бэрд — крупнейший в стране поставщик яблок...

«ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО»

Это вовсе не праздный вопрос из детского стихотворения. И лучшие умы, собравшиеся

сейчас под сводами Капитолия, безуспешно пытаются решить его.

Хорошо или плохо использовать служебное положение в корыстных целях? Хорошо или плохо брать взятки? Хорошо или плохо входить в пай с преступниками?

Когда речь идет о простых смертных, то обитатели Капитолия быстро и уверенно отвечают на все эти вопросы: плохо! Но когда речь заходит о них самих, то конгрессмены как бы впадают в *гипнотический транс* — состояние, в котором нельзя сообразить *даже* простейших вещей.

На избирательную кампанию конгрессмену или сенатору нужны сотни тысяч долларов. Дают их обычно промышленники и финансисты. Может ли конгрессмен, человек высоких моральных качеств, отплатить черной неблагодарностью своим благодетелям? И конгрессмены никак не могут решить сложнейшую дилемму: хорошо или плохо использовать свое высокое положение для покровительства благодетелям из большого бизнеса. Тем более, что умному человеку нужно подумать и о будущем.

Как тут не вспомнить признание американского журнала «Сатердей ивнинг пост»:

«Несмотря на опасности, многие конгрессмены продолжают смотреть на свою частную адвокатскую практику как на дополнительный источник доходов... Некоторым, возможно, просто нужны деньги, другие хотят обеспечить свое будущее на случай поражения при следующих выборах, третьи — чтобы стать еще богаче... Конгрессмену с каждым годом все труднее разобраться, что хорошо и что плохо, когда речь идет о его интересах вне стен конгресса».

Переводя это изысканное выражение на лаконичный воровской жаргон, можно сказать, что конгрессмены хапают где попало, не делая разницы между своим карманом и государственным.

ДЕСЯТЬ МИНУТ ТОМАСА ЭШЛИ

Да, что там ни говори, очень трудно отделить «свое» от «государственного», когда патриотизм «слуги народа» определяется лишь суммой его текущего счета или количеством акций.

Например, у сенатора Кеннета Китинга солидный пакет акций концерна Дюпона. Такой солидный, что это уже не секрет. И сенатор начинает поговаривать о том, что ему, человеку деликатному и щепетильному, придется воздержаться от голосования, когда сенат будет решать вопрос об облегчении налогового бремени, павшего на бедного миллиардера Дюпона. Став в красивую позу и слегка пококетничав со своей совестью, сенатор затем первым прибежал на голосование, с жаром проголосовал за снижение налога, и ценность акций, которые лежат в сейфе у сенатора, еще больше возросла.

Золотая поросль акций есть у всех конгрессменов. *Их купонами они весьма недурно питаются.* Сколько у кого акций и каких компаний — самая сокровенная тайна конгрессмена. Недавно простачок из конгресса Томас Эшли наивно предложил, чтобы каждый человек, баллотирующийся в конгресс, давал справку об источниках своих доходов. Всего лишь десять коротких минут потребовалось коллегам незадачливого Эшли, чтобы с энтузиазмом убить его проект.

Конгрессмен Джон Линдсей нисколько не *сомневается, что и впредь подобного рода* донкихотские попытки обречены на провал. Он признает:

«Никто никогда не заинтересован в реформах в собственном доме».

Американская печать утешает избирателей тем, что постоянный конфликт между частными и государственными интересами конгрессменов родился не сегодня. При этом приводятся яркие примеры 150-летней давности, что само по себе очень напоминает сказку про белого бычка. Но легче ли от этого простому американцу? Он спрашивает: если конгресс — сторожевая собака закона, то кто же сторожит сторожевого пса?

На это *можно только ответить, что пес этот* давно и надежно привязан золотой цепочкой к Уолл-стриту.

В. НИКОЛАЕВ

— Остальное снимете там...

Рисунок Г. ИОРША

КРОКОДИЛЬСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОТЕРЯННЫЕ ЧИТАТЕЛИ

НЬЮ-ЙОРК. Американская миллиардерша Барбара Хаттон велела скупить на рынках Марокко шнуры обезьян и змей, чтобы сделать из них переплеты для сборника написанных ею стихов.

Бедная миллиардерша не подумала, что тем самым она лишила себя единственных читателей.

КТО ВАЖНЕЕ

ОМАХА (ШТАТ НЕБРАСКА, США). Владелец крупной молочной фермы Робертс соорудил большое противоатомное убежище для коров. Предусмотрено также помещение для двух быков-производителей. Особо оговорено: члены семей работников фермы в случае тревоги в убежище допущены не будут.

Скот доволен.

СОЛОМОНОВО РЕШЕНИЕ

ТЕГЕРАН. Поскольку футбольные мячи, которыми играют тегеранские дети, часто попадают в окна соседних увеселительных заведений, причиняя тем самым беспокойство клиентам, городские власти приняли решение закрыть пять школ, находящихся в этом районе.

В самом деле, не закрывать же увеселительные заведения!

ЧТО ЛЕГЧЕ

ВАШИНГТОН. Вице-президент США Линдон Джонсон заявил недавно, что расовая дискриминация обходится неграм в США дороже, чем стоимость космических исследований правительству. Джонсон *имел в виду, что неграм приходится дороже* платить за квартиру, дальше ездить за покупками и т. д.

Очевидно, легче добраться до Марса, чем обеспечить неграм равные права в Америке.

МИРАЖ В СТЕПИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Охотники за кузнечиками

Н. ОКАУТ,
спортивный комментатор Крокодила

— Ноги моей у вас больше не будет,— сказал защитник Леонид Островский.— Отчаливаю в Киев. В «Динамо». Там места теплее...

— Не уходи, тебя я умоляю,— начал было председатель спортобщества «Торпедо».

— Бесплатный разговор, — отрубил футболист.— Я же сказал: там теплее. Спешу. Машина ждет, и счетчик щелкает.

Верткий защитник изобразил ладошкой опереточный привет и отбыл на юг. А председатель остался в тоске и недоумении: чем же не угодили футболисту? Ведь, кажется, делали все, что его левой ноге хотелось.

И верно. По линии поощрений осечек не было.

Как-то защитник Островский ударил не по мячу. Отсидел трое суток за мелкое хулиганство. А потом пожаловался:

— Это, братцы, чьи-то происки. Я безмерно обижен.

Великомученика утешили как могли: немедля предоставили защитнику комнату в новом доме. А тот не расчувствовался. Проявил твердость и вскоре объявил:

— Желаю в Ригу, к маме.

— Не погуби, голубчик!—бухнулись в те же драгоценные ноги защитника деятели заводского совета «Торпедо».

— Можно и не губить. Но, между прочим, хочу отдельную квартиру. Двухкомнатную, заметьте. С мусоропроводом и горячей водой.

Дали двухкомнатную. Дали с мусоропроводом и горячей водой. А защитник повременил самую малость, бросил торпедовский значок в мусоропровод и шустроногим кузнечиком перепрыгнул в места еще более теплые.

Между прочим, теплые места не зависят от географии. Их утепляют особыми грелками. В спортивном мире еще крутятся юлой упитанные весельчаки с пытливыми глазами конокрадов. Они не прыгают с шестом, не плавают дельфином и даже не подают мячи за воротами. Это зазывалы — охотники за легкокрылыми кузнечиками.

Вот уже два месяца мечется по городам лжеадминистратор команды «Трудовые резервы» Казырский. Зазвал в Луганск восемь футболистов. Пока не били. А есть за что. Не получив от спортклубов согласия на переход игроков, Казырский одарил путевками на южный берег полузащитника Чистякова из московского «Спартака» и Симбирцева из рижской «Даугавы». Так сказать, в виде аванса. Знай наших! То ли еще будет...

Зазывала из донецкого «Шахтера» Горвар действует еще хлестче. Он днюет и ночует в Риге. Обрабатывает нападающего «Даугавы» Смирнова и вратаря Бубенца. Возит их с женами в Донецк на смотрины квартир, устраивает в их честь банкеты. Это накладно, но зато оба игрока бурно возжелали защищать спортивную честь «Шахтера». Настолько бурно, что Смирнов даже запамятовал про заявление, поданное в остро полюбившуюся ему ростовскую команду СКА, а Бубенец без разрешения клуба тайком убежал в Донецк.

Мы не против переходов вообще. Зачем, скажем, молодым игрокам по два, три года полировать трусами скамейку для запасных? Но мы решительно против базарных зазывал и теплолюбивых кузнечиков. Им давно пора сказать:

— Ноги вашей в спорте не будет!

РАЗГОВОР ДВУХ ПОЕЗДОВ

Купейное место в жестком вагоне скорого поезда «Москва — Ленинград» стоит 12 рублей 10 копеек. Такое же точно место в поезде «Красная стрела» обходится пассажиру в 14 рублей 20 копеек.

При этом курьерский поезд идет в Ленинград... дольше скорого

Отправленья ждали рядом
скорый поезд и «Стрела».
От Москвы до Ленинграда
их дорога пролегла.
И не зря «Стрела» смутилась
от вопроса дерзкого:
— Эй, «Стрела»,
Скажи на милость,
что в тебе курьерского?
Я курьеров не вожу,
а быстрей тебя хожу!
И «Стрела»
сквозь занавески
тихо молвила в ответ:
— Потому зовусь курьерской,
что дороже мой билет...

Борис СИБИРЯКОВ

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ, Вл. МАСС, и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Гурий Львович Синичкин

Водевиль в пяти картинах

Старый актер Гурий Львович Синичкин добивается для своей дочери — молодой, талантливой актрисы Лизы — дебюта в театре. Этому препятствует актриса Сурмилова. Синичкин пересылает Сурмиловой письмо, в котором Лизу приглашали сниматься в кинофильме. Соблазнившись этим приглашением, Сурмилова симулирует болезнь, срывает репетицию и отказывается от роли. Режиссер Пустословцев уже готов передать роль Лизе, но на это надо получить согласие автора пьесы, Федора Семеновича Борзикова. К нему, в областное отделение Союза писателей, и отправляются Синичкины.

В картине действуют: Лиза, Синичкин, Борзиков, Старец — служащий в Союзе писателей, Ветринский — ассистент кинорежиссера.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сцена представляет небольшой зал бывшего особняка, превращенный, как все помещения творческих союзов, в комнату для заседаний. При поднятии занавеса сцена пуста. Звонит телефон. Через некоторое время входит Старец с длинными седыми волосами, обрамляющими большую лысину, и с такой же классической бородой. Он, естественно, босой и в толстовке. Неторопливо снимает трубку.

СТАРЕЦ (в трубку). Союз писателей РСФСР. Областное отделение слушает. Никого нету. Проза в Дом творчества уехали. У Поэзии зубы *болят. Литература для детей* в декретном отпуске. Я говорю — детская литература у нас на седьмом месяце. Борзиков? Борзиков скоро будет. (Кладет трубку, недовольно.) Все заведующие литературой разъехались. Теперь отвечай за нее. Писательская организация! Когда же мне вопросами пола заниматься? (Выносит из-за портьеры ведро с мастикой, швабру и полотерную щетку.) Отделение Союза писателей называется, а паркет запустили. Потому каждый день мероприятия. Все в литературу лезут. Каждый приходит, каждый норовит след оставить. А я натирай. Поначалу членов немного было. Двое. Писатель Борзиков *да критик Коржиков. Борзиков все пишет*, Коржиков все критикует. Стало быть, оба при своих. Но сказали: для отделения двоих мало. Кому руководить уже есть, а кем руководить еще нету. Стали принимать. Переводчик один вступил. Два языка знает. Абхазский и удмуртский. Так и переводит: с абхазского на удмуртский и обратно. *У нас этих языков, конечно, никто не знает*... Если и халтурит — поймать нельзя. Пришлось принять. А теперь русским языком ему говоришь: «Ноги вытри!» — не понимает. Идет — следит! Еще одного сказителя приняли. Крупный писатель. Но неграмотный. Пришлось и того принимать, кто за ним ходит, записывает. Потом уже *по двое* пошли. Юмористы-сатирики. Они для большего смеху всегда парами. Ну, набралось отделение,— значит, можно заседать. Теперь жизнь кипит: то похороны, то юбилеи. Похороны часто устраивают. С дорогой душой друг дружку хоронят. И на юбилеи ходят, на творческие дискуссии тоже. На юбилее, конечно, выпивают, а на *дискуссии* едят. Друг дружку едят. Кабы они совсем съедали, меньше б народу ходило, чище было. Но не доедают! Нельзя! Отделения Союза писателей тогда у них не будет. Тихо у нас только, когда туристскую группу за границу организуют. Объявление вывесят, все запишутся и уедут. В город Калькутту ездили. В город Канберру. Но и поездки не всегда получаются. Намедни вывесили объявление — запись желающих. Делегация в город Элисту. Все позаписались, думали, в Грецию едут. Только все брюки сузили,— выясняется, что это вовсе столица Калмыкии. Пока справки носили, что им калмыцкий климат противопоказан, обратно весь паркет замызгали! Нет, суматохи у нас много! С классиков надо брать пример, только с классиков. (Поет, натирая пол.)

Знакомый вам всем по портретам
Граф Лев Николаич Толстой,
Как я, был в толстовку одетым,
Как я — с бородой и босой!
При этом писал гениально,
А плохо писать не умел!
Он очень высокий морально-
Этический облик имел!
Писал он в жару и в морозы,
В чернила макая перо,
Без помощи Секции прозы,
Без всякой поддержки Бюро!

Его привлекала деревня,
Писал он про тыл и про фронт.
Жена его — Софья Андревна —
Ему заменяла Литфонд!
На жизнь он смотрел не из окон,
Он близок читателям был,
В Дом творчества ездить не мог он,
Но творчество дома любил!

(Звонок.) Вон, опять кого-то в литературу несет. (Идет к двери, открывает, возвращается с Синичкиным.)

СИНИЧКИН. Товарища Борзикова еще нет?

СТАРЕЦ. Ждем. Начинающие будете?

СИНИЧКИН. Нет, мы уже кончающие. Простите, пожалуйста, мне ваша внешность как будто знакома... Не напомните вашего имени-отчества?

СТАРЕЦ. Антон Павлович.

СИНИЧКИН. Я так и думал. Скажите нам, Антоша, что за писатель товарищ Борзиков?

ЛИЗА. Да, да, что он вообще пишет?

СТАРЕЦ. Что, что?.. Хороший писатель. Что надо, то и пишет.

СИНИЧКИН. А поконкретней?

СТАРЕЦ. Конкретно — широкий писатель. Придет, спросит, как здоровье, Антон,— и сейчас, мне полтинник!

СИНИЧКИН. *Ясно!* (Лезет в карман.) На сто грамм, стало быть?

СТАРЕЦ (строго). Не на сто грамм, а на формирование личной библиотеки.

СИНИЧКИН. Другое дело. (Дает ему монету.) Формируйте!

СТАРЕЦ. Покорно благодарим. Сейчас какую-*нибудь книжечку добавим. За ваше здоровье*... (Прячет монету.) Значит, пишет он все. Хочешь — стихи, хочешь — прозу. Роман напишет — сейчас давай его инсценировать. Инсценировку закончит — *сейчас ее экранизировать*. Экранизацию сделал — давай ее оперетизировать. А то к старой оперетте новый текст приделывает.

ЛИЗА. Да, да, я готовила отрывки из его оперетт!

СТАРЕЦ. Он и оперу может. У нас на телевидении оперу Чайковского ставили — «Евгений Онегин». Кто новый текст писал? Борзиков.

ЛИЗА. Наверно, важный он у вас?

СТАРЕЦ. Так раз начальство считает, что он хороший писатель, значит, он не может быть не важный. Его к пятидесятилетию даже на медаль представили.

СИНИЧКИН. Да что вы?! И дадут?

СТАРЕЦ. Должны дать. А то как же иначе народ будет знать, что он хороший писатель?

ЛИЗА. Папочка, он, вероятно, обидчивый!

СТАРЕЦ. Смерть, барышня! Чуть что не по *нем, сейчас грозится: вот уеду от вас в город* Камышлов — и тогда будет в Камышлове большая литература, а у вас не будет!

СИНИЧКИН. Но когда хвалят-то его, он любит?

СТАРЕЦ. Писатель же! Только меру надо знать.

СИНИЧКИН. Какая же мера?

СТАРЕЦ. Большая мера. Очень большая. Иначе не действует. Тем более, он сейчас нервный.

СИНИЧКИН. Нервный?!

СТАРЕЦ. Творческий прокол у него. Документальный роман писал. Про шахтера-новатора, что триста процентов выполнял. Поехал на место своего героя изучать. В первый вечер поста*вил для изучения пол-литра*. Познакомились. Второй вечер опять за пол-литром друг дружку изучать стали. Дальше — больше. Все глубже изучение шло. А когда совсем изучил, оказывается, писать поздно: герой второй месяц плана не выполняет. Спился напрочь. Только фельетон про своего героя и сочинил. Против пьянства, значит. А за фельетон известно какой гонорар. Опохмелиться не на что. Теперь вся ставка на «Вечернюю стерню». Тем более телевизор... Т-ссс! Сам пожаловал! (Поспешно надевает ливрею и фуражку с галунами.) Я у них по совместительству швейцаром состою при президиуме правления. Какой может быть президиум без швейцара? Надо пальто принять. У него там во всех карманах замыслы. Не ровен час позаимствуют.

СИНИЧКИН. Так у вас же здесь все свои?

СТАРЕЦ. В том-то и дело! (Уходит.)

ЛИЗА. Удастся ли нам уговорить его?

СИНИЧКИН. А ты что — не актриса? Ты сыграй перед ним, что ты его гением считаешь, он и согласится. Слышала, что Антон Павлович-то сказал?

ЛИЗА. Гений! Мыльный пузырь он, вот кто! А мы его еще раздувать будем!

СИНИЧКИН. И правильно, скорей лопнет! У мыльных пузырей другой судьбы не бывает. Идет... Помни, Лизонька, кто идет!

ЛИЗА. Федор Семенович Борзиков.

СИНИЧКИН. Нет. Шекспир идет! Вильям Шекспир! Как минимум.

ЛИЗА. *Ну что ж, Шекспир так Шекспир.* Это меня не лимитирует!

(Входит Борзиков.)

БОРЗИКОВ. Ко мне? (Садится за стол.) Пожалуйста. По какому вопросу?

СИНИЧКИН. Федор Семенович, разрешите представить вам дочь мою Лизоньку. Только что в Москве театральное училище окончила. Воспитана в лучших традициях реализма! (Борзиков встает и шагает по комнате.) И при этом талант у дочери, настоящий драматический талант!

БОРЗИКОВ (возмущенно, думая о своем). Свинья такая! Инфаркт, понимаешь, у нее! Как «Иркутскую историю» играть, так у нее инфаркту нету... Как «Стряпуху» играть, так она здорова!.. А как борзиковскую «Вечернюю стерню», *так у нее сердце отказывает! Знаем, откуда* эти отказы идут! Знаем, голубушка! (Берет се-

Продолжение. Начало см. в №№ 1, 2.

бя в руки.) Извините. Слушаю вас. (Садится за стол.)

СИНИЧКИН (осторожно). Я говорю: дочь моя, которую я имел счастье вам представить, по уши влюблена в ваше творчество.

ЛИЗА. Для нас с папой выше вас драматурга нет!

СИНИЧКИН. Точно! Вот возьмем Арбузова. Она на третьем курсе его «Иркутскую историю» играла... Огромный успех, а она говорит — нет! Даже жаль, говорит, что ее Арбузов написал. Такую замечательную вещь испортил! Вот если бы Федор Семенович ее написал, вот это действительно была бы «Иркутская история»! (Борзиков опять шагает по комнате.) И это у нее давно. С пяти лет к вашему творчеству детскими ручонками тянется!

БОРЗИКОВ (думая о своем). Главное дело — умирает! Как борзиковская пьеса, так она умирает. Художественное ей подавай, понимаешь, яркое, интересное! Чтоб зритель волновался, понимаешь. А почему наш человек должен волноваться? Его будущее ему ясно. Он спокоен. Ему ваших трещинок не надо. Он цельный. Ва... ренную пьесу приносят, а у вас от этого сердечные припадки начинаются? Так?! (Берет себя в руки.) Простите. Слушаю вас внимательно. (Садится к столу.)

СИНИЧКИН. С детства, говорю, моей Лизоньке ничего такого «художественного» не надо! Только вас хочет исполнять. Увлекает ее ваша многогранность. И стихи ваши обожает. Поверите, еще пятнадцать лет назад первый раз меня попросила: «Дай,— говорит,— мне, папа, какое-нибудь стихотворение дяди Борзикова выучить!»

БОРЗИКОВ. Какое стихотворение? Пятнадцать лет назад я стихов еще не писал.

СИНИЧКИН. Я ей и говорю — рано! Рано, Лиза, нет еще настоящих стихов в нашей поэзии, дядя Борзиков их еще не пишет. Подождем! (Борзиков снова зашагал.) И вот — дождались! В прошлом году берет она на уроке в училище... простите, «Ответ Евгению Евтушенко»... Это ваши стихи?

ЛИЗА. Нет, нет, папа, это не Федора Семеновича!

СИНИЧКИН. Берет она эти стихи, разрывает их в мелкие клочья, гадость такую, и со слезами на глазах просит педагога дать ей в учебном порядке роль в вашей пьесе!..

БОРЗИКОВ (по-прежнему о своем). Доиграетесь, голубчики! Доиграетесь! Борзиковская современность вам не понятна? А что, по-вашему, современность! Узкие штаны, да? А откуда эти узкие штаны к нам пришли и на чьих ногах? Во-о-т!.. Борзикову погони за дешевой популярностью не надо. У него молодежь мебель не рубит, не пьет, не курит и путей не ищет... Он свою молодежь из пальца не высасывает!.. Он ее из жизни высасывает!.. Вот так! (Садится. Синичкину.) Что у вас?

СИНИЧКИН. Дочь у меня. Категорически просит в училище молодежную роль в вашей пьесе, именно роль, высосанную из жизни! Только Борзикова требует. И ведь добилась! Сыграла вас! И как сыграла!

ЛИЗА. И еще сыграю. Мне только что предлагали в кино сниматься. В «Гамлете». А я отказалась.

СИНИЧКИН. Да, да, мы решили — подождем. Вот напишет Федор Семенович нового Гамлета, современного, нашего Гамлета,— и не будет у него тогда этих терзаний: «Быть или не быть,— вот в чем вопрос». У Борзикова вопросов не будет! Быть! Вот в чем вопрос! Тогда и сыграем, я ей говорю. А пока брось думать о Гамлете, «Стерню» пока играй. Только «Вечернюю стерню»!

БОРЗИКОВ (вздрогнув). Что? «Стерню»?.. Опять «Стерню»?... Почему «Стерню»?..

СИНИЧКИН (энергично). Да роль у нее там играна! Главная! Сурмиловская! Вот в чем вопрос!

БОРЗИКОВ (вскакивая). Актриса? Вы что, вместе пришли? И роль играна? Так что же вы молчите?

СИНИЧКИН. Кто молчал? Я все время кричу: как может сегодня не пойти такая пьеса?

БОРЗИКОВ. И она действительно может сегодня вечером исполнить роль Сурмиловой?! Но играть-то она умеет? Там ведь и петь надо и роль сложнейшая. В ней и аристократизм и демократизм! Прогон устраивать некогда. Как я увижу?

СИНИЧКИН. Не надо прогона. Сейчас она вам все покажет. И аристократизм и демократизм!

БОРЗИКОВ. На чем же она покажет?

СИНИЧКИН. На отрывках из ваших же оперетт.

БОРЗИКОВ. А-а, из раннего меня? (Оживившись.) Ну, давайте, давайте!

СИНИЧКИН. Лиза, давай аристократизм! (Объявляет.) Сцена и дуэт из венской оперетты «Обручение в будуаре». Новый текст Федора Борзикова.

БОРЗИКОВ. Помню, помню!

СИНИЧКИН. Графиня Мария и князь Данило!

(Музыка.)

ЛИЗА-МАРИЯ. ...Вот идет душа высшего общества, князь Данило!.. При виде его моя душа разрывается. Но притворюсь беспечной!.. (Поет.)

> Лили, лили, лили, лили, лили,
> Лили мы духи на соболя!
> Пели, танцевали и кутили
> Ля-ля!

СИНИЧКИН-КНЯЗЬ ДАНИЛО (поет).

> Били, били, били, били, били,
> Били мы хрусталь и баккара.
> Ведрами шампанское мы пили
> С утра!

Прелестная Мария, у меня к вам один вопрос: какая разница между кузнецом и графиней?.. Не знаете?.. У кузнеца сын — кузнечик, а у графини — графинчик!..

ГРАФИНЯ МАРИЯ. Ваши шутки разрывают мне сердце, князь! ...Я должна открыть вам свою страшную тайну: я не графиня — я дочь нищих, бездетных родителей!

КНЯЗЬ ДАНИЛО. Какое счастье!.. Так знайте же и вы — я сам сын подкидыша!..

ГРАФИНЯ МАРИЯ. О радость! (Поет.)

> В моей груди горит пылающий пожар!..

СИНИЧКИН (поет, обращаясь к Борзикову).

> Я для любовного дуэта слишком стар!

МАРИЯ. Мы проведем теперь мильон счастливых дней!

СИНИЧКИН. Свой гениальный текст вы сами спойте с ней. (Вытаскивает ошеломленного Борзикова на середину, вкладывает его руку в руку Лизы.) Чудная пара!.. Давайте!..

МАРИЯ. Вращалися мы с вами в высшем свете!

БОРЗИКОВ-ДАНИЛО. Дети!

МАРИЯ. Пленяли нас и блеск и мишура.

ДАНИЛО. Двора!

> Но ныне блеск придворный мы стряхаем!

МАРИЯ. Хаем!

ВМЕСТЕ. И со двора бежим на хутора!

> Ура!

МАРИЯ. Не князь вы мне, а я вам не графиня.

ДАНИЛО. Ныне!

> Ведь мы теперь совсем наоборот.

МАРИЯ. Народ!

> Вы будете носить в простой корзине...

ДАНИЛО. Дыни!

МАРИЯ. А я — растить большой и мелкий скот!

ВМЕСТЕ. Весь год!

(С танцем.)

ДАНИЛО. Моя телушечка!

МАРИЯ. Ты мой бычок!

ДАНИЛО. Моя ты хрюшечка!

МАРИЯ. Ты мой хрячок!

ДАНИЛО. Моя лошадочка!

МАРИЯ. Ты мой лошак!

ДАНИЛО. Так обними меня.

МАРИЯ. Так поцелуй меня.

ВМЕСТЕ. Так поцелуй меня, лошадка, так и сяк!

(Лиза как бы по роли целует Борзикова.)

БОРЗИКОВ (довольный). Молодцом! Если и дальше так...

СИНИЧКИН. Теперь давайте демократизм!

БОРЗИКОВ. Давайте, давайте!

СИНИЧКИН (объявляя). Сцена и дуэт из современной оперетты Борзикова «Любовь у пня». Пильщица Манька и вальщик Данька. Та же музыка. Лиза — Манька, Борзиков — Данька.

МАНЬКА. Я кержачка-сибирячка, а он хоть и знатный пильщик-вальщик, но все равно — пришлый, городской... Вон он идет... А мне будто начхать! (Поет.)

> Елки-палки, колкие иголки,
> С вами я расстаться не могу.
> Елки-палки, елки-палки, елки
> В снегу!

ДАНЬКА (поет).

> Ели мы пилили и валили,
> Мы перепилили всю тайгу.
> Или мне культуру дайте, или
> Сбегу!

А ну, скажи-ка мне, Манька, какая разница между лесопилкой и моей милкой?.. Не знаешь?.. Лесопилка пилит днем, а милка ночью!..

МАНЬКА. Шуткуешь, едрена шишка?..

ДАНЬКА. Угадала, заноза души моей!.. А знаешь почему? (Поет.)

> Хотел я, Манька, дать отсюда деру!

МАНЬКА. В город!

> Хотел ты жрать пломбиры и ситро!

ДАНЬКА. В метро!

> Но ты меня влюбила, Манька, в доску.

МАНЬКА. В доску!

ВМЕСТЕ. Доска ж, она народное добро!

> Добро!

МАНЬКА. Его пилить мы, Данька, будем вместе.

ДАНЬКА. Двести,

> А то и триста выдадим кубов!

МАНЬКА. Кубов!

> Нам премию дадут рублей по двести.

ДАНЬКА. В тресте!

ВМЕСТЕ. Вот что с людями делает любовь!

> Любовь!

(С танцем.)

ДАНЬКА. Моя тесиночка!

МАНЬКА. Мой пень родной!

ДАНЬКА. Моя дубиночка!

МАНЬКА. Кедрило мой!

ДАНЬКА. Давай потешимся

> С тобой сейчас!

МАНЬКА. Ты не замай меня,

> Ты не хватай меня.

ВМЕСТЕ. А поцелуй меня, хоть раз промежду глаз!

(Лиза целует Борзикова. Входит Ветринский).

ВЕТРИНСКИЙ. Что тут происходит?..

СИНИЧКИН. Все уже произошло, молодой человек! (Поет).

> Зря вы нам писали и звонили.
> Можете лягушек собирать!

ЛИЗА. Мне сегодня в пьесе разрешили

> Играть!

ВЕТРИНСКИЙ. Вижу — все готово для халтуры.

> Все же вы получите отказ:
> Есть же управление культуры
> У нас!

Санкцию товарища Зефирова вы имеете?

СИНИЧКИН. Какого Зефирова?

БОРЗИКОВ (спохватился). Действительно! Зефиров!

СИНИЧКИН. Да кто такой Зефиров?

БОРЗИКОВ. Начальник отдела искусств городского управления культуры! (Поет.) Вас без него не пустят в телевизор!

ВЕТРИНСКИЙ. Виза.

> Нужна его, но он ее не дал!

БОРЗИКОВ. Скандал!

ЛИЗА. Кто мог бы ждать подобного сюрприза?!

СИНИЧКИН. Лиза,

> Таких, как ты, Зефиров не видал!

ВЕТРИНСКИЙ. Видал!

СИНИЧКИН. Решит он это дело в полминутки!

ВЕТРИНСКИЙ. Дудки!

СИНИЧКИН. Сейчас к нему прорвемся на прием!

БОРЗИКОВ. Втроем!

ВЕТРИНСКИЙ. И я пойду!

СИНИЧКИН. Оставьте эти шутки!

ВЕТРИНСКИЙ. Дудки!

СИНИЧКИН. Премьера рушится, но мы ее спасем!

> Идем!

ЛИЗА и БОРЗИКОВ. Идем!

ВЕТРИНСКИЙ. Идем!

(Уходят с танцем.)

БОРЗИКОВ. Моя премьерочка!

ЛИЗА. Дебютик мой!

ВЕТРИНСКИЙ. Моя карьерочка!

СИНИЧКИН. Лизок, за мной!

> Судьба решается
> Твоя сейчас!

БОРЗИКОВ. Идем к Зефирову!

ЛИЗА и СИНИЧКИН. Бежим к Зефирову!

ВЕТРИНСКИЙ. А мы посмотрим, как

> Зефиров примет вас! (Убегает.)

Конец третьей картины.

(Продолжение следует.)

Владлен КАРЛИНСКИЙ

Чудо дрессировки

Городской цирк открывал очередной сезон. К участию в программе привлекались лучшие силы. Но директор цирка тосковал по оригинальному аттракциону. Тигры, медведи, львы — в клетке и без — уже не волновали его. Хотелось чего-то небывалого в мировой практике дрессировки. Такого, чтобы ахнули не только зрители, но и видавшие виды цирковые пожарные. Не найдя ничего подходящего в длинных списках уже готовых номеров, директор решил обратиться к самодеятельности. В газетах появилось объявление. Радио передало информацию. Трое суток директор, не выходя из кабинета, ждал чуда. И чудо пришло.

Чудо явилось в образе скромного молодого человека, который приручил... воробьев. Когда дрессировщик стоял, упитанные, кругленькие, как шарики, воробьи окружали своего шефа тесной стайкой. Но стоило маэстро начать двигаться, как его питомцы выстраивались в длинный ряд и гуськом шли за ним по арене. Дрессировщик делал неожиданные повороты, сбивая воробьев с толку, но те упорно и последовательно повторяли все изгибы его пути. Это было невероятное зрелище — воробьи, дрессировку которых отрицал сам великий Брем, повиновались отныне человеку!

Директор тут же заключил с дрессировщиком договор на весь сезон с оплатой по высшей ставке. В цирке начались горячие дни. Зрители брали билеты с боем. Смотреть на чудо дрессировки съехались видные специалисты-воробьеведы. Срочно перекраивались докторские диссертации. Всемирное объединение цирковых укротителей прислало поздравительную телеграмму.

Десятки специалистов ломали головы над секретом чуда. Но дрессировщик молчал. И тогда ученый совет некоего солидного института устроил в его честь пресс-конференцию. Ошеломленный количеством присутствующих научных светил, дрессировщик дрогнул. И признался.

Секрет был прост: летом он работал на целинных землях и ежедневно возил зерно на элеватор. В кузове оказалась дыра, сквозь которую зерно одной узкой струйкой высыпалось на дорогу, что и приучило воробьев цепочкой двигаться за машиной.

Признание произвело сенсацию. Но оно же и погубило авторитет героя сезона. Потому что на следующий день после опубликования материалов пресс-конференции в цирк явилось 283 дрессировщика, за которыми воробьи ходили в четыре ряда.

В ЧЕМ ВОПРОС?

Ругали всячески поэта,
Свистел критический сквозняк.
Ругали все
за то, за это,
И поделом, и просто так.

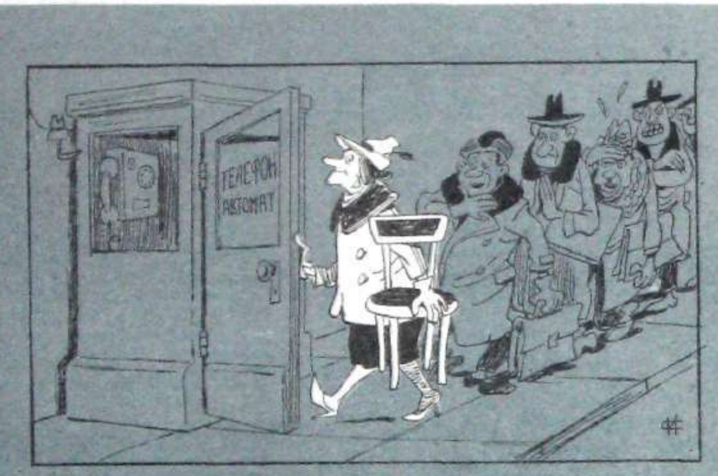
Секли словесной хворостиной,
И лишь порою под конец
Привычно с кисло-сладкой миной
Совали фразу-леденец.

Нет, я отнюдь не за конфеты,
Я сам решил прочесть поэта,
Осмыслить: плохо, хорошо ль?
Да книг в продаже не нашел.

Их раскупили очень шумно
В теченье часа одного.

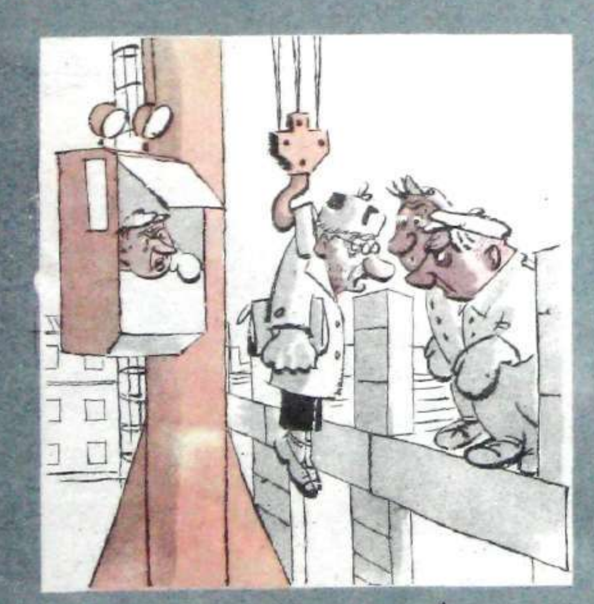
...Иль все читатели безумны,
Иль, может, критики... того?

Мих. РАСКАТОВ

Всерьез и надолго. Рисунок И. СЫЧЕВА

Транспорт подвел... Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Крановщик: — Материалов больше нет. Вот вам начальник снабжения.
Рисунок В. ВОЕВОДИНА

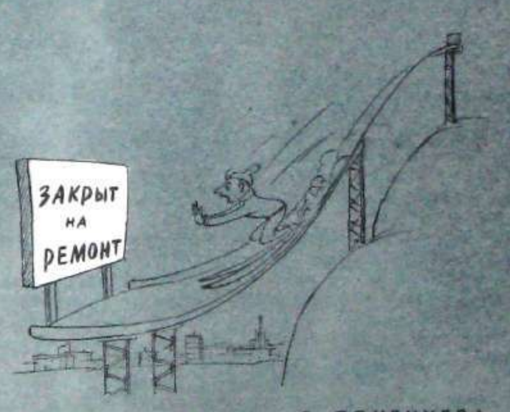

Рисунок В. ПОЧЕЧУЕВА

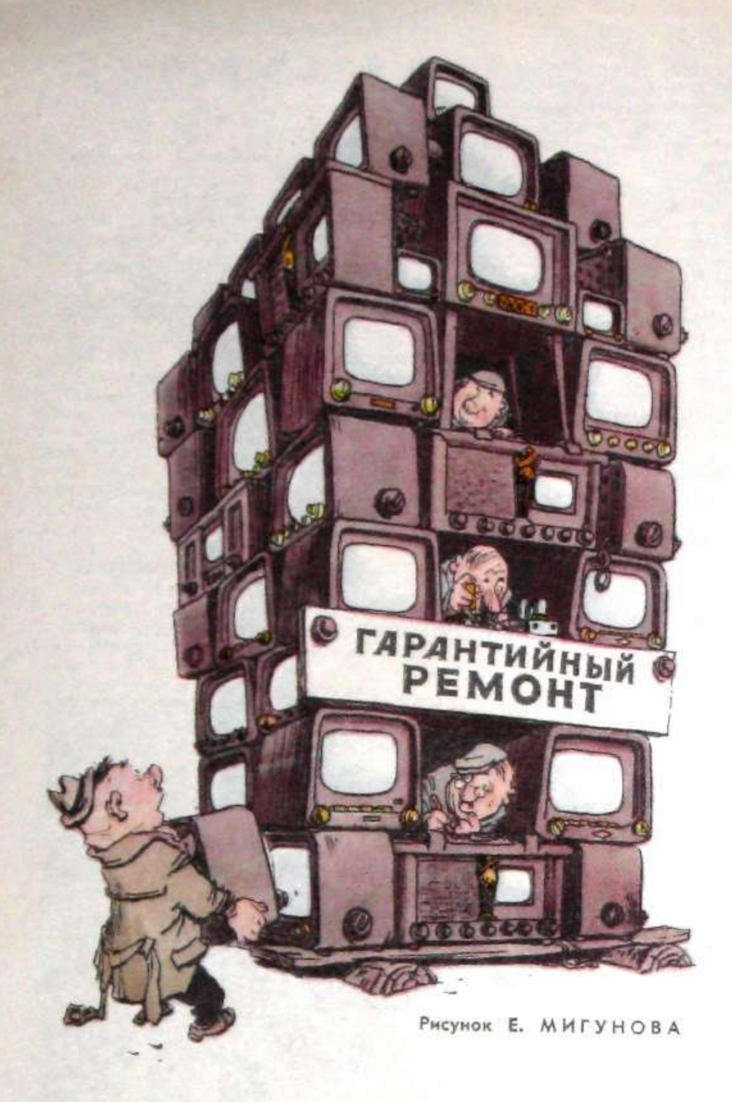

Рисунок Е. МИГУНОВА

МИНИАТЮРЫ ПОЧТИ С НАТУРЫ

ГАЗЕТНАЯ ОПЕРАТИВНОСТЬ

Я написала фельетон о модницах и сдала его в редакцию. На днях получила ответ: «Ваш фельетон устарел».

Пока он лежал в редакционном портфеле, моды переменились.

ЭСТРАДНОЕ

— Что такое современный конферансье?

— Скучный молодой человек пожилых лет.

УБЕДИТЕЛЬНЫЙ ДОВОД

Выступая на собрании в защиту критикуемого ученика, второклассница сказала:

— Что вы, он хороший! Я его по детсаду знаю!

ЗАКОННОЕ ЖЕЛАНИЕ

На протяжении всего фильма киногерой много и красиво думал. Если бы зрители еще могли узнать, о чем!

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ

Студенты о преподавателе:

— Хороший лектор. Не беспокоит новыми мыслями.

ПРИВЕТСТВИЕ ПОДХАЛИМА

— Я рад, Иван Иванович, пожать вашу руку, имеющую определенное влияние в определенных кругах!

РАЗГОВОРНЫЕ ШЕДЕВРЫ

Подводя итоги летнего сезона, культработник отметил:

— В этом году наш парк перевыполнил план по массовым гуляньям.

...Перегуляли, значит!

* * *

Один парикмахер другому:

— Коллега, у вас на перманенте дама кипит!

А. ДАНЧИЧ

г. Ленинград.

СТАРЫЙ УЖ — ГРОЗНЫЙ УЖ

Ужин
жена
не догрела Ужу.
Уж прошипел:
— Навсегда ухожу!

Ю. ЭНТИН

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ ПЛАКАТ

Висит плакат:
«К нам даже быстрый свет
Идет от звезд десятки
тысяч лет».
Плакат с научной точки зренья
прав.
Плакат висит у входа в телеграф.

Р. КИРЕЕВ

Происшествия

КОГДА ПРОКУРОР В ОДИНОЧЕСТВЕ...

Обе посетительницы не спускали с районного прокурора Н. Ровенского пытливого взгляда, а прокурор писал, весь кипя гневом. Казалось, что от его авторучки исходит легкий дымок.

Слово ложилось за словом, строка за строкой:

«Секретарю Калининского РК КП Киргизии тов. Чашкину Г. Н.

Представление

По поручению прокурора района в колхозе, где председателем тов. Лысенко, была произведена проверка исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29.XII.1961 г. «Об уголовной ответственности за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники», в результате чего было установлено, что техника в колхозе хранится преступно-небрежно...».

Прокурор приступил к изложению фактов. Он повествовал о машинах, разбросанных под открытым небом и не очищенных от пожнивных остатков, о несмазанных, а потому и заржавевших запасных частях...

Перейдя к длинному перечню случаев раскулачивания техники, прокурор не выдержал и воскликнул:

— Думаете, любезные, что раз машина не может кричать «караул», так ее ничего не стоит обчистить до нитки? Нет, голубчики, это вам даром не пройдет!

Но тут прокурор осмотрелся и обнаружил, что он остался наедине с самим собой: обе посетительницы бесшумно исчезли. И человека словно подменили. Возникли совсем иные мысли: «А почему, собственно, добиваться наказания руководителей именно этого колхоза? Остальные чем лучше?»

И прокурор дописал:

«В данном случае прокуратура считает нецелесообразным привлекать к уголовной ответственности предколхоза Лысенко, зав. МТФ Фисюнова, так как подобное положение с сохранением сельхозтехники имеется и в других колхозах района».

И размашисто поставил подпись.

А две исчезнувшие особы все дальше улетали от районной прокуратуры. По причине бестелесности им не мешали ни заборы, ни стены. Одну звали Фемидой, другую — Логикой.

Р. Б.

Крокодил не помог

Юбилей дырявой крыши

В библиотеке Института мировой литературы большое событие. На днях здесь отпраздновали юбилей: ровно шесть лет назад в Крокодиле была опубликована карикатура о дырявой крыше и предусмотрительном Человеке в футляре.

Сегодня Крокодил перепечатывает этот рисунок еще раз. Что поделаешь, юбилей есть юбилей!

Прошло шесть лет, но все осталось на своих местах. И дырявая крыша. И около ста тысяч сваленных в груду уникальных книг, портящихся от сырости. И завидное упорство Куйбышевского райисполкома, который никак не удосужится залатать крышу библиотеки.

Так что из многочисленных героев мировой литературы по-прежнему не жалуется на свою судьбу только Человек в футляре. Хорошо все-таки иметь зонтик!

Человек в футляре: — Вот что значит быть предусмотрительным.

Отклики и реплики

Иду навстречу

В прошлом году по моему поручению товарищи открыли читателю некоторые «Подписные истины». В № 32 Крокодила, в частности, был обнародован секрет распространения некоторых подписных изданий украинскими издателями. Тем из распространителей, которым удастся усыпить бдительность подписчиков и под гипнозом вручить квитанции, была обещана награда.

Нежданно-негаданно за эту критику на меня обиделась «Литературная Украина». И поместила реплику Крокодилу, смысл которой сводился к тому, что, дескать, на вербовку *подписчиков не жаль ни премий, ни денег.* Реплика заканчивалась горьким сожалением:

«Про газету «Литературная Украина» в Крокодиле не сказано пока еще ничего».

Извините великодушно, дорогие товарищи. Это мой промах. Досадное упущение. Как принято говорить в таких случаях, идя навстречу горячим пожеланиям «Литературной Украины», скажу и о ней. Ничего не утаю. Тем более, что газета применила еще более действенный способ уловления подписчиков.

Нет, «Литературная Украина» грошей за ее распространение не обещала. Как говорят, «Чого нэма, того нэма». Она пошла иным путем.

14 декабря *прошлого года, стало быть, за* 17 дней до первого новогоднего номера, «Литературная Украина» обратилась к своим уважаемым подписчикам со страстным призывом: «Скажем прямо и открыто».

О чем «скажем»?

Граждане, а граждане, да подписывайтесь же вы на «Литературную Украину»! В самом деле!

Куда это дело годится, ежели на эту горячо любимую газету в Полтаве, например, подписалось только четыре педагога, а из писателей — всего-навсего трое. Что же себе думают остальные? Неужто так и собираются прозябать в серости и невежестве?

И, чтобы *не оставалось никаких сомнений,* «Литературная Украина» конкретно называет имена тех бедолаг-писателей, кои обрекли себя на серость и прозябание.

Помогло, но не очень. Не все поняли. Не все вняли. Как сообщила Крокодилу начальник республиканского управления «Союзпечать» Оксана Кондратьевна Мельник, при тираже 40 тысяч на «Литературную Украину» подписалось 25 тысяч читателей.

В чем причина? *Запоздал призыв.* Семнадцать дней — это мало. Надо печатать такие зазывные статьи уже сейчас — в предвидении подписки на 1964 год. И в каждом номере. С фотографиями. С портретами наиболее устойчивых подписчиков. С фельетонами и карикатурами на несознательных.

Иначе не поймут. Писатели же.

С горячим литературным приветом
КРОКОДИЛ

ПОРА, ПОРА!

Много добротного леса терялось и еще по сей день теряется при сплаве по реке Мезень. Об этом рассказывалось в фельетоне «Украли город» (№ 27 Крокодила).

Из Коми областного комитета КПСС и из Архангельского совнархоза нам сообщают, что принимаются необходимые меры по наведению порядка в заготовках и транспортировке леса. В частности, ведется строительство железной дороги Микунь—Кослан, механизированных лесовозных дорог в ряде лесопунктов, усилена подготовка к навигации в новом году и т. д. Перед Советом Министров РСФСР и Министерством речного флота РСФСР возбуждено ходатайство о проведении русловыправительных работ на реках Мезени и Вашке.

«ЗАТЫЛКОМ К СУДУ»

Так назывался фельетон, опубликованный в № 28 Крокодила. Речь в фельетоне шла о судьбе частных определений судебных органов, которые далеко не всегда принимаются к сведению и исполнению.

Фельетон обсуждался, как сообщили нам из Псковского обкома КПСС, на заседании исполкома областного Совета депутатов трудящихся. Облисполком обязал всех руководителей советских и хозяйственных организаций области своевременно рассматривать и принимать соответствующие меры по частным определениям судебных органов. За формализм и волокиту при рассмотрении частных определений ряд руководящих работников городских организаций привлечен к дисциплинарной ответственности.

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ТАКИХ ХОЛМОВ...

Десятки тонн свинины были загублены по вине ряда работников Казахской железной дороги. На глухом, заброшенном пустыре неподалеку от Душанбе вырос мрачный холм из свиных туш. Об этом из ряда вон выходящем факте Крокодил сообщил читателям в заметке «Холм, насыпанный ночью» (№ 28).

Начальник Казахской железной дороги И. Задорожный сообщает, что расследование подтвердило этот факт. Заместитель начальника грузового *отдела Даняев, ревизор хладотранспорта Елизаров, дежурный помощник* начальника льдопункта станции Казалинск Чернопятов сняты с работы. На начальника льдопункта станции Казалинск Лапшина материал передан следственным органам.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Начальник прогнал меня с работы. Нет, нет, не из-за того, что я спал, а потому, что храпел. Это его будило.

•

Тунеядец не мог сказать, сколько времени он не работает: он потерял свидетельство о рождении.

•

Хозяйка, нанимая новую горничную:

— Скажите, милочка, а вы любите попугаев?

— О, не беспокойтесь, мадам, я ем все.

•

Миллионер архитектору:

— Ну-с, а в парке рядом с моей виллой вы построите три бассейна. Один *с теплой водой,* один с холодной, а третий вообще без воды.

— А зачем третий?

— Некоторые из моих друзей не умеют плавать.

— Дорогая Элла, я хотел бы пройти всю жизнь вместе с вами...

— Пройти? Но у вас же есть автомобиль.

•

— Подсудимый, обвинение в двоеженстве с вас снимается. Вы оправданы и можете идти домой.

— С которой из жен, гражданин судья?

•

— Подумай только, какой ужас! Вчера мой трехлетний сын бросил в печку 50 страниц рукописи моего нового романа!

— Как, разве он уже читает?

•

— Мадам, вы так пристально всматриваетесь в эту абстракционистскую картину! Вы нашли *ее интересной?*

— Понимаете ли, месье, мне до сих пор много раз приходилось чувствовать головную боль. Но видеть ее мне не приходилось. Теперь я ее вижу...

ДВОЙКА ЗА ОБСЛУЖИВАНИЕ

Рисунок Бориса ЛЕО

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00015. Изд. № 159. Подписано к печати 19/I 1963 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 115. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
70436

— Возьмите наше горючее, господин генерал, мы не спешим.

Рисунок Ю. ГАНФА